

ГЛАВА ПЕРВАЯ НОЧЬ ВОЛКА

Никогда не видел он зрелища прекраснее, чем охваченный огнем Париж. День клонился к вечеру, и длинная полоса черного дыма растянулась по закатному небу, словно хвост дракона, сунувшего голову в раскаленную топку, в которую превратился город на острове посреди реки. Он поглядел с холма вниз и увидел, что башни на мостах уцелели: франки отбили атаку северян. Часть одного моста и пустой драккар под ним были охвачены огнем, однако шафрановые знамена графа Эда по-прежнему трепетали на стенах над водой, сами похожие на язычки пламени, провожающие заходящее солнце.

Леший втянул носом воздух. Кроме запаха горящего дерева и смолы, которую защитники города выливали со стен на врагов, чувствовался и еще один запах, прекрасно ему знакомый. Смерд горящих тел.

Этот запах ассоциировался у него с северянами, которые сжигали своих мертвецов в лодках. Он видел, как после битвы за Киев варяги отправили из города к озеру подожженный корабль с телами покойных правителей Аскольда и Дира. Северяне устроили князьям прекрасные похороны, особенно если учесть, что они же их и убили.

От смрадного дыма у Лешего совершенно пересохло во рту и в носу. В городе горят люди. Леший помотал головой и пальцем начертил на груди знак молнии, символ бога Перуна. «Слишком уж много у воинов власти, — подумал он. — Если бы миром правили купцы, народу гибло бы раза в два меньше».

Он поглядел на город. По восточным меркам город был невелик, зато выстроен на реке Сене в чрезвычайно удачном месте — он не позволял викингам подниматься выше по течению.

Вечер был прохладный, и от дыхания в воздухе оставались облачка пара. Леший с удовольствием спустился бы в город, посидел бы где-нибудь у очага с кружечкой франкского вина... Он считал, что франки очень миролюбивый и приветливый народ — во всяком случае, пока спокойно сидят за стенами своих городов, — и еще они просто обожают шелк. Ему всегда нравился Париж: в этом городе

потрясающие дома — большие, из светлого камня, с арками входных дверей и острыми черепичными крышами. Но не стоит сосредотачиваться на этой мысли. От нее холод пробирает еще сильнее. Этой ночью укрыться от него будет негде, разве что в палатке. Его ждет постель среди холмов, а не в гостинице торгового квартала.

Он наблюдал, как защитники города сбивают пламя на мосту. Мосты были построены прежде всего для того, чтобы помешать вражеским кораблям подниматься выше по реке. Они исполняли свое предназначение, как и другие укрепления, возведенные графом. Было сложно оценить размеры армии северян. Если бы они захватили оба берега реки, Леший решил бы, что там не меньше четырех тысяч человек. Однако среди убогих домишек за пределами города тоже мелькали желтые знамена. Так что, наверное, войско данов меньше. Хотя и достаточно велико, уж точно достаточно велико, чтобы захватить все строения, не защищенные городскими стенами.

Однако они не удосужились их захватить. Очевидно, эти постройки не показались северянам достойными внимания. Викинги рвались выше по течению, к большим и богатым городам на реке. Париж был всего лишь препятствием, которое необходимо преодолеть, и они не собирались терять хороших воинов, сражаясь за какие-то лачуги. Леший был поражен. Никому из тех военачальников, с которыми он был знаком лично, не удавалось сдержать своих воинов, когда они замечали противника. Однако у викингов была дисциплинированная армия, а не толпа буянов.

Может, ему спуститься к этим домам за городом и заплатить за ночлег? Нет. Народ перепуган, и ему повезет, если его не удавят на месте.

Он понимал, что викинги высадились на обе стороны реки. Их драккары стояли у обоих берегов, а их черные знамена, вяло обвисшие в весеннем безветренном воздухе, были заметны повсюду. Леший содрогнулся, подумав об изображениях на этих знаменах. Он достаточно повидал их на востоке: волки да вóроны. Те самые животные, которые досыта наедаются после сражений с северянами. Город падет, решил он, но случится это не сразу.

— Она там? — спросил Леший на латыни, поскольку его спутник понимал только этот из известных Лешему языков.

— Так было предсказано.

— Потребуется немалое везение, чтобы вывести ее из города. Они там не обрадуются приходу северянина.

— Я и не прошу их радоваться.

— Лучше тебе пойти к своим сородичам и войти в город вместе с ними. Они наверняка войдут, их армия огромна.

— Они не мои сородичи.

— Ты же северянин, таких, как ты, у нас называют варягами.

— Но я не дан.

— Все варяги одинаковы, Чахлик. Даны, норвежцы, викинги, норманны, варяги — это просто разные слова, означающие одно.

— Мое имя не Чахлик.

— Но такова твоя суть, «чахлик» на моем родном языке значит «хилый». Имя именем, но как тебя называют другие? Моя мать звала меня Лешим, но остальные прозвали меня Мулом. Это имя мне не нравится, но оно мне подходит, потому что я постоянно таскаю какую-нибудь поклажу — для князей, королей, для себя самого. И меня зовут Мулом, мое имя Мул. Я зову тебя Чахлик, твое имя Чахлик. Имена — они как судьба, мы их не выбираем.

Северянин фыркнул. Первый раз за все время, что они шли с востока, Леший заставил его улыбнуться.

Леший поглядел на своего спутника, который представлял собой неразрешимую загадку. В его присутствии он ощущал сильную тревогу, и если бы приказ довести этого человека до Парижа не исходил из уст самого князя Олега — Вещего Олега, — он постарался бы увильнуть от путешествия. Олег и сам был варяг, правитель Ладоги, Новгорода, Киева и других земель народа русь. Он ходил даже на Византию, где прибил свой щит на ворота города в знак победы. Он был могущественный правитель, и когда он отдавал приказ, разумней всего было исполнять.

Леший спросил, как зовут странного человека, однако Олег сказал, что имени его не знает и Леший волен называть его так, как пожелает. Значит, Чахлик, и это еще самое приличное слово из всего, что мог придумать купец. Чахлик был рослый, даже для варяга, однако, в отличие от сородичей, смуглый, худой и жилистый; он напоминал Лешему скорее порождение земли, какое-нибудь изогнутое дерево, а не человеческое существо.

Леший знал всех, кто бывал в ладожских землях, знал многих из города Новгорода, даже некоторых из Киева, однако этого парня никогда до того не встречал. Сначала он пытался разговорить его. «Я торгую шелком, а чем занимаешься ты, брат?» Но тот ничего не

отвечал, только глядел своими пронзительными черными глазами. И Леший сам догадался, чем занимается чужак, когда князь отправил их в путь одних, без дружины. Он понял это, когда другие купцы, собравшиеся возле общего костра, отодвигались от них подальше, когда любопытные крестьяне разбредались по домам, вместо того чтобы засыпать их вопросами, когда разбойники только наблюдали за ними с холмов, не находя в себе храбрости спуститься. Ремеслом чужака было сеять страх. Он источал страх, как олень источает мускус.

Леший догадался, что Чахлик — волкодлак, оборотень, должно быть, один из северных шаманов, хотя до сих пор ему не доводилось видеть никого, похожего на него. Князья варягов считались на родине Лешего и главными святыми, но вокруг Ладоги обитало немало разных странных личностей, которые приносили жертвы своим странным богам в лесных храмах. Они носили на себе изображения молотов и мечей и (сам он не видел, но слышал) даже настоящие удавки для своих ритуалов. Правда, у спутника Лешего имелся всего-навсего простой камешек, который висел на шее на кожаном ремешке. На камешке было что-то нацарапано, но Леший так ни разу и не сумел рассмотреть, что именно.

Северянин снял со спины мешок и вытащил из него что-то.

Леший, у которого содержимое вещевых мешков неизменно вызывало жгучий интерес, подошел поближе. Он тотчас же понял, что это — волчья шкура, снятая целиком и весьма необычная. Угольно-черная шерсть даже в свете заходящего солнца блестела как-то неестественно. Шкура была огромная, пожалуй, самая большая из всех, какие доводилось видеть Лешему, а уж он повидал немало, будучи торговцем.

— Отличная шкура, — заметил он, — только сомневаюсь, что жители Парижа захотят сейчас торговать. Но если ты собираешься спать под ней, надеюсь, и мне перепадет краешек по случаю холодной погоды.

Северянин ничего не ответил, просто отошел вместе со шкурой под деревья.

Лешему ничего не оставалось делать. Он начал жалеть себя. Он-то надеялся, что слухи об осаде Парижа неверны. Если Париж осажден, то вполне вероятно, что и другие крупные торговые города, такие как Руан, тоже подверглись нападению.

Неужели он напрасно пришел со своим грузом? Хотя не исключено, что он найдет себе покупателей прямо в лагере викингов. Он отошел проведать мулов, так и не решив, снять с них поклажу или же оставить как есть, на тот случай, если какие-нибудь шальные викинги нечаянно наткнутся на них в темноте и придется спешно убираться. Может быть, удастся поторговать с захватчиками. Он почти всю жизнь прожил под властью варягов и понимал их. Леший решил, что может рассчитывать на удачную сделку, главное — уговорить данов не приносить его в жертву своим странным богам.

Он поглядел вниз, на речную долину. Драккары отходили от северного берега к южному. У них там что-то случилось. Даны отчаливали от берега так поспешно, словно за ними кто-то гнался. На востоке он увидел двух всадников, они двигались по долине, отбрасывая длинные тени, и первый вел коня второго за уздечку. Даны спешили, чтобы приветствовать этих двоих. «Может, это торговцы, — подумал Леший, — может, мне все-таки удастся пристроить свои товары».

Он замерз, он уже стар, слишком стар для всего этого. Наверное, надо было как-то исхитриться и отказать Олегу, остаться в Ладогe. За пять неудачных лет, когда он терял товар из-за разбойников и из-за болезни шелковичных червей, он растратил почти все свои сбережения. И предложение князя Олега купить для него партию товара было слишком соблазнительным, чтобы отказываться. Если он сумеет выручить приличную цену за свой шелк, то выйдет из дела, освобождая дорогу молодым. Слишком усталый, чтобы размышлять о судьбе, Леший снял с мулов тюки. Посидеть у костра, выпить вина? Почему бы нет? Одним дымком больше или меньше, уже неважно в темноте, а огонь из-за холма никто не увидит.

Он обиходил мулов, расстелил коврик, развел костер, выпил вина, закусил небольшой лепешкой с сыром и фигами. Незаметно для себя Леший заснул и проснулся от света полной и круглой луны. Интересно, что его разбудило? Пение, приглушенное бормотание, похожее на шум далекой реки.

Он задрожал и встал, чтобы найти плащ. В голове прояснилось. Плевать на плащ, вопрос — где его нож? Он вынул оружие и поглядел на него в лунном свете. Этим ножом он обычно разрезал шелк — острый нож с широким лезвием, придающий уверенности.

Пение продолжалось. Язык непонятный, хотя он понимал много языков. Перед Лешим стоял выбор: пойти на звук, не обращать